

INSPIRIA

НОЧНАЯ СУЧКА

История, наполненная гневом, одиночеством и нарочитой вульгарностью. Смакующая деконструкцию социального сценария, который навязывают женщинам, матерям» — PUBLISHERS WEEKLY

РЕЙЧЕЛ ЙОДЕР

INSPIRIA

Рейчел Йодер

Ночная сучка

Серия «Loft. Современный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66112962

Р. Йодер. Ночная сучка: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-157443-7

Аннотация

Рейчел Йодер написала необычную, близкую к триллеру и магическому реализму историю о женщине, которая испытывает материнскую депрессию и выплескивает ее самым неожиданным образом.

Если бы Франц Кафка был женщиной и жил в наше время, он бы создал нечто похожее. Рейчел Йодер умело работает с иронией, драмой и сатирой и отлично знает, где уместен черный юмор, а где – оголенные эмоции. К этой книге можно относиться по-разному, но – аплодисменты за фантазию и смелость.

Когда она сама себя назвала ночной сучкой, это была безобидная самоирония – потому что такой она была женщиной, с чувством юмора, умеющей посмеяться над собой.

Но вскоре после этого она обнаружила у основания шеи полосу жестких черных волос и спросила себя – какого хрена?

Похоже, я превращаюсь в собаку, сказала она мужу спустя неделю, когда он вернулся домой из очередной командировки.

Он рассмеялся, она – нет.

«Ей не хотелось думать, только действовать. Только выживать. Она зарычала и слепо бросилась в толпу окруживших ее тел, ища зубами плоть. Она вся была шерстью, кровью и костями. Она вся была инстинктами и гневом».

«История, наполненная гневом, одиночеством и нарочитой вульгарностью. Смакующая деконструкцию социального сценария, который навязывают женщинам, матерям». – Publishers Weekly

Содержание

Один

6

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Рейчел Йодер

Ночная сучка

Rachel Yoder
Nightbitch

© Rachel Yoder 2021

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается моей матери
&
всем матерям*

Один

Когда она сама себя назвала ночной сучкой, это была, конечно, добрая безобидная самоирония – потому что такой она была женщиной, с чувством юмора, умеющей посмеяться над собой, нисколько не похожей на чопорных или чересчур ранимых дамочек, неспособных разглядеть смешное там, где можно разглядеть оскорбление, – но вскоре после того как она впервые так себя назвала, она обнаружила у основания шеи полоску пробивавшихся жестких черных волос и спросила себя – какого хрена?

Похоже, я превращаюсь в собаку, сказала она мужу спустя неделю, когда он вернулся домой на выходные из очередной командировки. Он рассмеялся, она – нет.

Она надеялась, что он не станет смеяться. Надеялась, что после того как она целую неделю ночами лежала в постели без сна, мучаясь мыслями, не становится ли она собакой, муж, услышав эти слова, по крайней мере, наклонит голову вбок и попросит пояснить. Она надеялась, что он всерьез воспримет ее переживания. Но как только она произнесла фразу вслух, то поняла – это невозможно.

Нет, правда, сказала она. У меня на шее растут странные волосы. Она собрала свои нормальные волосы в хвост, подняла повыше, чтобы показать ему черную полоску. Он потер эту полоску пальцами и сказал – ого, да, ты самая настоящая

собака.

Откровенно говоря, растительности у нее и впрямь прибавилось. Непослушные кудри вились над ее головой пушистым облаком, роем ос. Брови ползли по лбу неприятными толстыми гусеницами. Она даже заметила на подбородке два кудрявых черных волоска. При определенном освещении – что уж там, при любом освещении – вновь становились видны усы, лазерная коррекция не помогла. И всегда ли у нее были настолько волосатые руки? Доходила ли линия роста волос до краев челюстей? И нормальным ли был тот факт, что на ногах, внизу, волосы росли целыми пучками?

Да ты взгляни на мои зубы, сказала она, открыв рот и указывая на клыки. Она не сомневалась, что они выросли, а кончики заострились так, что о них можно было порезать палец. Да она его в самом деле чуть не порезала во время вечернего осмотра в ванной. Теперь каждый вечер, пока муж был в разъездах, а сынишка в пижаме радостно играл с паровозиками, она стояла у зеркала и оттягивала губы, наклоняла голову туда-сюда, а потом откидывала назад и смотрела на зубы снизу вверх. Затем искала в Интернете фотографии собачьих зубов и сравнивала с ними свои собственные, убеждала себя, что занимается ерундой. Потом искала людей с собачьими зубами, искала исследования на тему, имеют ли люди и собаки общего предка, искала, могут ли существовать гибриды животных и людей и бывают ли у людей рецессивные гены животных, искала истории оборотней, потом – что до-

вольно нелогично – истории ведьм, потом – что довольно логично – признаки истерии, а потом, потому что ей так хотелось, искала лечение покоем и «Желтые обои»¹, и перечитывала «Желтые обои», которые читала в колледже, и, сидя на унитазе, тупо смотрела куда-то в никуда, и обрывала поиски.

Потрогай, велела она, указывая на зуб. Муж коснулся кончика ее клыка указательным пальцем, вскрикнул – ой! – и отдернул руку. Да я шучу, добавил он, поднося к ее лицу нетронутый палец и помахивая им. Такой же зуб, как и всегда. Вечно ты думаешь, будто с тобой что-то не так, добавил он мягко.

Ее муж был инженером. Специализировался в области контроля качества. Что именно это означало, она не могла точно сказать. Осматривал приборы, делая выводы, эффективно ли они работают? Настраивал системы, чтобы они гудели на более высоких частотах? Читал отчеты и вносил предложения по улучшению? Может быть. Какая разница.

Что она точно знала – у него не было времени на чувства, на снисходительное отношение к ее предчувствиям, и он смеялся над тем, что не было подкреплено рецензируемыми научными исследованиями или статистикой. Но в целом он был хорошим, заботливым и приятным человеком, и она очень его ценила, несмотря ни на что. К тому же она была склонна к нерешительности, часто в мыслях возвращалась к своим решениям, которые приняла, руководствуясь

¹ Феминистская новелла Шарлотты Перкинс Гилман (1892).

чутьем, а потом стала чувствовать иначе. Она была склонна тревожиться, волноваться, ощущать, как сердце в груди вот-вот взорвется. Она горячилась. Она жужжала. Ей постоянно нужно было либо чем-то заняться, либо лечь и спать. А вот ее мужу этого совсем не требовалось.

Поэтому неудивительно, что она слушалась его советов, его здравых мыслей, уравновешенных слов инженера. И конечно, с ней все было в порядке. Она сказала это себе, когда они лежали в кровати, а между ними спал ребенок, зажав ножкой пальцы ее ноги.

Думаю, я лучше лягу в гостиной, шепнула она мужу.

Почему? шепнул он в ответ.

Я становлюсь такая злая. По ночам.

Он ничего не ответил, и она добавила – наверное, мне просто нужно как следует выспаться.

Хорошо, сказал муж.

Она бесшумно выбралась из кровати, спустилась по лестнице, накрыла чистыми простынями диван в гостиной. Потерла полоску черных волос на шее, чтобы успокоиться, провела языком по острым краям зубов. И провалилась в глубокий, спокойный сон.

Когда-то эта мать была матерью, но как-то ночью она внезапно стала кем-то другим.

Да, был июнь, и да, ее муж только что вернулся домой. Собственно говоря, это был его двадцать второй отъезд за их

совместную жизнь – не то чтобы кто-то считал. Да, у мальчика болели уши, и он спал урывками. Да, он плохо спал или же не спал вовсе.

Да, она впервые за все свои тридцать семь лет ощущала ярко выраженный ПМС.

И это случилось именно тогда, в пятницу, глубокой ночью, когда мальчик проснулся в родительской кровати между матерью и отцом, потому что он не спал – не хотел спать – в своей. Он проснулся уже третий или четвертый раз за ночь. Она сбилась со счета.

Сначала она ничего не делала, просто ждала, пока проснется муж, но он не проснулся, потому что никогда в это время не просыпался. Она ждала дольше, чем обычно, ждала и ждала, мальчик скулил, а она лежала, не шевелясь, как труп, терпеливо ожидая того дня, когда чудесным образом воскреснет и перенесется в Королевство Избранных, где впишется в удивительную художественную инсталляцию, состоящую из множества эстетически интересных кроватей. Этому трупу не нужно будет заботиться о ребенке, труп сможет болтаться где угодно, посещать любые открытия фестивалей и пить трупное вино с другими трупами, когда захочет, потому что это и есть рай. Вот и все.

Она лежала так долго, как только могла лежать без движений, без звуков. Детские крики раздували в ее груди пламя гнева. Одинокое, раскаленное добела пламя в центре ее собственной тьмы, пламя, из которого она рождала нечто но-

вое, как умеют все женщины. Каждая девочка зажигает в себе огонь. Поддерживает его, ухаживает за ним. Защищает любой ценой. Не позволяет пламени разгораться слишком ярко, потому что для девушки это неприлично. Никому о нем не рассказывает, но помогает ему гореть. Смотрит в глаза другим девушкам, видит, как там мерцают их костры, заговорщически кивает, но никогда не говорит вслух о почти невыносимой жаре, грозящей перерасти в пожар.

Все женщины бережно хранят в себе огонь, потому что, если они не будут его хранить, они останутся в холоде, в одиночестве, обреченные зависеть от погодных условий, от соображений практичности, от «такой уж природы вещей», обреченные улаживать, понимать, соглашаться, видеть иначе, и видеть как полагается, и видеть как угодно, но не так, как они видят на самом деле.

И, услышав крик мальчика, этот высокий, режущий звук, она из-под закрытых век увидела пламя. Оно задрожало в невидимом воздухе, тут же вспыхнуло и ослабло, застыло и с грохотом ударило ее в грудь, глубоко в живот, подожгло изнутри.

Быыыыгrrrrrrrrо гrrrrrrrrать, прохрипела она, полусонная, пьяная от сна. Пыталась что-то сказать – видимо, «быстро спать», но вместо слов вышло только рычание и повизгивание, похожее на звуки, которые она давно, в детстве, слышала от бабушкиной собаки, когда та вымаливала остатки обеда у двери. Ей никогда не нравилась эта собака. Во-пер-

вых, из-за ледяных голубых глаз, глаз нежити, а во-вторых, из-за этих звуков, почти человеческих. И теперь те же самые звуки издавал ее собственный рот. Все эти мысли и звуки разбудили ее внезапно, чем ей бы хотелось. — Тихо! — сказала она ребенку, лежавшему рядом с неподвижной массой тела мужа, ребенку, который крутился и лягался, и его крики перерастали в вопли. — Тихо. Тихо. Тихо! — пролаяла она, перевернувшись набок и глядя на мальчика. — Где его чертова пустышка? — зло крикнула она мужу, потом отвернулась от обоих и заткнула пальцем ухо. Мальчик плакал и плакал, а муж спал и спал. Огонь разгорался сильнее, больно обжигал, угрожал поглотить ее целиком, и тогда она с воем откинула простыни, потянулась к лампе на прикроватном столике, в спешке свалила ее на пол, застонала от ярости, выбралась из постели, нашла другую лампу, повернула выключатель и увидела, что муж сидит в кровати и держит на руках мальчика с соской во рту.

В ее волосах, длинных, растрепанных, застряли обрывки листьев, крошки крекеров или хлеба, какой-то непонятный белый пух. Она тяжело дышала ртом. Капли крови отметили ее путь от кровати, крошечные осколки лампы впились в нежную кожу ног, но она этого не замечала, а может быть, ей было все равно. Она прищурилась и втянула воздух. Вновь завалилась на свою сторону кровати, закуталась в одеяло и, не предложив помощи, не протянув руки, вообще не отреагировав, погрузилась в тяжелый сон.

Утром она стояла, растрепанная, в грязной кухне и пила кофе. Окровавленные простыни крутились в стиральной машинке, ее ноги были вымыты и забинтованы. Мальчик играл в гостиной со своими паровозами, воркуя, лепеча и смеясь. Муж, такой жизнерадостный, мазал маслом кусочек поджаренного тоста.

Ночью ты была... Он помолчал, задумавшись, потом договорил: – Такой сучкой!

Он рассмеялся, желая показать, что не хотел сказать ей гадость, просто констатировал факт.

Это я и есть, ответила она, не задумываясь, – ночная сучка.

И они оба засмеялись – а что еще им оставалось делать? Ее злость, суровость и безразличие ночью удивили даже ее саму. Ей хотелось думать, что ночью она была совсем другим человеком, но она уже понимала жуткую правду – Ночная Сучка была всегда, даже не особенно пряталась.

Никто не мог бы ожидать подобного; до этого момента она была образцовой матерью, теплой, жертвенной, не злой, не ворчливой, не утомляемой выматывающими ночами без сна, нянчащей, качающей и баюкающей малыша, пока ее муж спал и храпел во сне или – как это было чаще всего – вообще не ночевал дома.

Он работал. Делал деньги. Он уезжал по работе, говорил «Пока» и «Люблю тебя», целовал ее на прощание, махал рукой, подмигивал. Она стояла с ребенком на руках и смотре-

ла, как исчезает его машина.

У нее была степень бакалавра в престижном университете, куда престижнее того, что закончил он. У нее было две степени магистра, у него – ни одной. Но ребенок был на ней.

Не то чтобы она с ним соревновалась, да нет, конечно же, правда? Нет, ни в коем случае. Она никогда не рассматривала мужа как конкурента, но она винила себя, что выбрала такую непрактичную специальность, как изобразительное искусство. Какой же она была сумасшедшей! Да, она любила искусство, но ведь оно не помогло бы ей построить карьеру и заработать большие деньги, как бы сильно она его ни любила, какой бы талантливой ни была.

Она постаралась затолкать поглубже на задворки сознания мысль о том, что до ребенка у нее была работа мечты – управление галереей, привлечение художников, работа, которая, по ее мнению, могла расширить коллективное художественное сознание их небольшого городка на Среднем Западе. Она проводила лекции, работала со школьными и студенческими проектами, погружалась в мир искусства, занималась тем, во что она верила и, более того, получала деньги, занимаясь такой редкой, необыкновенной работой. Конечно, нагрузки не были соизмеримы с оплатой, но она была благодарна и за это, понимаете? Благодарна уже за саму возможность иметь работу, связанную с миром искусства. Ее сокурсники готовы были убить за такую должность, а ей она легко досталась.

Но тут появился ребенок. Она понимала, что будут трудности, но не такие, с которыми она не могла бы справиться. В конце концов, в наше время женщины уже не обязаны хоронить себя заживо ради детей. Они могут работать в офисе или из дома. Могут работать, работать и работать целыми днями, если захотят! И это их право. Но она не учла вечерних открытий выставок, и вечерних арт-классов, и утренних встреч с преподавателями, и собраний после работы. Муж был в разъездах, ребенок – дома, и этот график ей больше не подходил. Кто стал бы забирать ребенка из яслей, укладывать его спать? Она не могла брать его с собой на официальные мероприятия, какими бы прогрессивными ни были бы их участники. Она не могла во время заседания с двадцатью пятью доцентами-добровольцами или встречи с советом директоров кормить грудью.

Она пыталась. Первое время она честно пыталась. В конце концов, ведь это была ее работа мечты! Вот почему, несмотря на ребенка, крошечного трехмесячного ребенка, единственные в городе битком забитые ясли и крикливых, усталых женщин, кормивших малышей смесями из пластиковых бутылочек, она работала. Она всю жизнь мечтала об этой работе. Она продвигалась. Росла как профессионал. Делала успехи. И она была матерью.

И все, что она могла дать этому ребенку, – молоко. Она могла дать ему два часа после яслей, два часа до, бесконечные часы, когда он спал, а она смотрела, как он спит. (Она

думала: пожалуйста, не забывай меня. Или забывай, если тебе так легче. Или, может быть, просто забудь о том, что все твое младенчество я оставляла тебя на восемь или девять часов в день с женщинами, которые бросают тебя одного лежать на линолеуме и плакать, плакать целыми днями. Он постоянно плачет, сказала ей одна из этих женщин, и, буднично сообщив этот заурядный факт, вонзила остро заточенное лезвие в живот матери. Та была так сильно, так смертельно ранена и в то же время оскорблена: почему эта женщина не заботилась должным образом о ее любимом мальчике? Как она смела игнорировать его плач? Так сухо сообщить матери о ее постоянно плачущем сыне, одиноком, заброшенном, лежавшем там, на линолеуме, было особенно жестоко, и мать постоянно вспоминала об этой жестокости – но разве не ее вина была в том, что ее сын оказался в таком месте? Ее. Ее.)

И молоко. Молоко! Молоко было так важно! Нельзя было нервничать, чтобы оно не испортилось, – это самый важный пункт во всей культуре заботы о младенцах, во всяком случае, книги так говорят, а матери верят, и она тоже верила. С таким же успехом комната для сцеживания в здании, которое галерея разделяла с университетом, могла быть самой маленькой и уродливой в мире часовней. Самой святой комнаткой с раковиной, стойкой и стулом, флуоресцентными лампами и без вентиляции. Здесь должен был звучать хвалебный гимн материнству. Гимн груди, молоку и прикосновениям кожи к коже, теплым младенцам, гибким, мягким, как све-

же испеченные буханки хлеба, таким восхитительным, гимн их запаху.

Запаху.

И где, черт возьми, ее чертов псалтырь?

Никакого псалтыря не было — только насос, трубки, пластик, электричество, мокрая от пота одежда, спертый воздух, промышленное дезинфицирующее средство, беспокойство и работа мечты. Ребенка не было.

И мать не чувствовала благодарности.

Она уходила в комнату для сцеживания один, два, три раза в день. Трубки и пластик. Насос с мотором. Рубашки с влажными подмышками. Бьющие током, когда стягиваешь их через голову, свитера. Платье с молнией на спине, которую было трудно расстегнуть. Отметки в личном календаре. И другая сердитая мать, колотящая в дверь, потому что пришла слишком рано или поздно. Или просто не туда. Не туда.

И, конечно, была дезинфекция, жесткие бумажные полотенца, правила, запрещающие оставлять средства открытыми и призывавшие уважать других, банка промышленного санитайзера, чтобы очистить тело от испарений. Кто мог бы подумать, что мать должна очищать источник молока, предназначенного для ее ребенка? Оно должно было быть процежено через особую ткань для церемоний, которая потом будет возложена к ногам монументальной, неописуемо прекрасной скульптуры, вырезанной в честь Великой Матери, Дающей Жизнь и Начало Всех Вещей. Вот что должно было

быть в комнате. Либо это, либо маленький белый котенок – лучше самый маленький из помета, – а к нему очень мягкая подушечка, хорошая кошачья еда и чистая, свежая вода. И чтобы этот котенок мог слизывать случайно пролитые капли молока, крошечные брызги.

Однажды она оставила в комнате для сцеживания молокоотсос, потому что кто мог бы его украсть? И его никто не украл, но пропала часть, та, что прикладывается к груди. Кто мог взять одну эту часть? Другая мать? Может быть, она даже плакала над этой потерей. Сейчас она уже не помнила. С тех пор она уже нигде не оставляла сумку, боясь божественной кары. Вот как это ощущалось.

(Где можно купить новую часть молокоотсоса? Как вообще называется эта часть? Нужно было найти ее в Интернете, выделить время на поиск. У нее не было времени на поиски. У нее не было времени, чтобы найти название части молокоотсоса, а затем купить ее.)

Комната не проветривалась, поэтому, когда там никого не было, дверь нужно было держать приоткрытой, подпирая изнутри, но треугольный стопор был весь расплюснен. Дверь была тяжелой. У кого хватало времени, чтобы ее подпирать? Но как обходились другие матери? Вместо стопора подопри- те дверь стулом. Сильнее стукните по двери. Найдите способ. Взгляните на других матерей. Будьте благодарны, что у вас есть эта комната. У некоторых работающих мам такой нет. Будьте благодарны.

Всегда торопитесь. Торопитесь, груди! Поторопитесь и расслабьтесь, чтобы пришло молоко. Если молоко не приходит, это вина матери. Слишком много кофе. Недостаточно еды. Нужно найти способ минимизировать стресс. Съешьте энергетический батончик. Съешьте орехов. Съешьте всю плитку шоколада, одновременно прижимая устройство к груди. Примите эти специальные травяные пилюли. Ешьте много овсянки. Выясните, как все это сбалансировать. Выпейте целый литр воды в надежде, что молоко станет жиже. Медитируйте. Дышите глубоко. У вас сегодня еще восемь встреч.

Ребенку всегда не хватает молока. Он так быстро растет. Все, что ему нужно – молоко, а времени, молока и рук не хватает. Ясли закрываются в шесть, так что никаких поздних встреч, необходимо учитывать пробки, путь до гаража и погоду. Не забывайте молоко. НЕ ЗАБЫВАЙТЕ МОЛОКО.

Однажды вечером она забыла его. Она оставила молоко возле машины, когда прикладывала к терминалу парковочный билет. Плача, она повезла спящего ребенка из яслей обратно к крытой парковке с надписью «Охрана».

– Да, кто-то принес ваше молоко, – сказал мужчина.

Она рыдала. И охранник принес ей потерянное и найденное молоко. Он протянул это молоко в окно машины, потому что она даже не могла выйти. На заднем сидении ребенок. Она плакала всю обратную дорогу домой.

Представьте себе этого человека, который нашел неболь-

шую коробку с двумя бутылками еще теплого молока, отнес ее обратно в маленький унылый торговый центр, дошел до поста охранника и сказал ему: я тут нашел молоко. Оно, наверное, нужно владелице. Надеюсь, вы ей его вернете. И охранник ставит коробочку в мини-холодильник в своем кабинете, качая головой и удивляясь находке, или доброте этого человека, или потере матери, или ее невнимательности – ну как можно быть такой рассеянной? – или всему сразу.

Матери хотелось поблагодарить того, кто нашел молоко. Ей хотелось сказать ему: вы самый добрый человек из всех моих знакомых, пусть мы с вами и не встречались раньше.

Когда она шла на собрание, проходившее прямо за ланчем – кому нужен перерыв на обед, если в это время можно работать? – у нее возникли подозрения. А позже, когда она правой рукой набирала сообщения, а левой одновременно прижимала оба молокоотсоса к груди, ее мысли начали выстраиваться в теории заговора, те, которые рано или поздно выводят к истине.

Ее родители сказали бы, что на ней лежит печать, назвали бы ее порченной или, может быть, даже проклятой и сказали бы что-нибудь насчет дьявола, если бы имели хоть какое-то представление о том, что творится в ее голове. Родители не имели никакого представления, потому что они не звонили ей, а она не звонила им, так что они не знали друг о друге почти никаких новостей. Мать была уверена, что они тоже в какой-то степени виноваты во всех выпавших на ее долю

несправедливостях и в ее паранойе по поводу превращения в собаку, виноваты в каком-то фундаментальном смысле; но она не могла точно сказать, в чем именно, и скорее потакала себе, направляя свою ярость в прошлое и на восток, где жили родители в сотне миль от нее.

По правде говоря, родители волновали ее меньше всего, поскольку все это вообще было сплошным сраным притворством: работа, дела, проблемы и нежелание помочь ей с ребенком. Она разбухала материнским гневом, в мыслях выстраивая многословные аргументы против системы, капитализма, патриархата, против религии, гендерных ролей и биологии.

Однажды она хотела поделиться своими теориями в кофейне, куда ее пригласила другая работающая мать, которая тоже была художницей, она училась с ней в аспирантуре. Теперь она преподавала в этом университете и воспринимала трудности материнства как что-то ненамного серьезнее икоты. Мать мрачно наблюдала на расстоянии – в социальных сетях, где еще, – как работающая мать выкладывает фото с подписями «Первый день в яслях» и «Помогаем маме с инсталляцией»: ребенок был привязан к груди работающей матери, которая что-то делала с грудой проволоочной сетки.

Почему я так не могу? – часто спрашивала она себя. Как это может быть настолько легко?

И как тебе быть работающей матерью? – спросила ее та, другая работающая мать, и эта мать – усталая, несчастная и

работающая, вкалывавшая на работе мечты и разлученная с ребенком – тупо уставилась на нее и хотела было поведать свои теории о том, что все это ловушка, рассчитанная на то, чтобы полностью их подчинить, ловушка, из которой им не выбраться. Но ее мозг уже не работал как прежде. Жизнерадостная работающая мать ждала. Нужно было что-то сказать? Что такое диалог?

Нет, в конце концов ответила несчастная мать. Мне кажется, работающая мать – вообще какая-то бессмысленная чепуха. Я имею в виду, какая мать не работает? А если прибавить к этому оплачиваемую работу, то кто она тогда? Работающая работающая мать? Представь себе, если бы кто-то сказал – работающий отец. Ха! – она горько усмехнулась, даже не зная, насколько горько звучат ее слова.

Добрая работающая мать кивнула и посмотрела на нее с жалостью. Та мать, которая не спала и вкалывала на работе мечты, мать, которая, может быть, старалась изо всех сил, которая нуждалась в поддержке... но да – она выглядела совсем не так, как должна была. Впечатление. Каждый может его произвести. Почему она такая неблагодарная?

В тот вечер мать тоже плакала, держа на руках спящего малыша, потому что неспящим она видела его лишь час, может быть, два в день. Он так и не смог уснуть в яслях, и домой она принесла его измученным, отчаянно просившим молока, просившим, чтобы его укачали и дали уснуть на руках матери. Она плакала, качая его, а когда уложила его в кро-

вать, он заплакал. Ребенку хотелось, чтобы его держали на руках, и она не могла его винить, поэтому, привязав его к груди, полночи отвечала на письма, а потом вместе с ним свалилась в кровать.

Когда пришло время завести ребенка, а потом принять решение, ее муж зарабатывал больше денег, а она – меньше, и значит, именно ей пришлось остаться дома. Вот так просто.

В то время, когда это решение принималось, ей и самой искренне хотелось остаться дома – так она устала, хотя никогда раньше ей ничего подобного не хотелось. И, честно говоря, сначала она воспринимала это как привилегию. Как удовольствие. Мать понимала, что она всего лишь счастливая, чересчур образованная женщина, живущая в центре Америки, имеющая возможность держать ребенка на руках двадцать четыре часа в сутки. По практически всем стандартам, ей теперь не на что было жаловаться и, скорее всего, раньше тоже было не на что. Да и вообще, разве это не было немного в духе, ну, знаете, чересчур высокомерных белых леди – вообще думать о том, чтобы жаловаться? Если она читала статьи, изучала данные, задумывалась о своей жизни, о своем месте в обществе, своей исторической роли в угнетении всех, кроме белых мужчин, она вообще не имела права ни на один клочок земли, где можно было бы встать и издать хоть один жалобный стон.

Но, как все малыши, ее ребенок рос. В ширину и в длину. Становился более и вместе с тем менее очаровательным.

Начал ходить, но не разговаривал до тех пор, пока не были пройдены согласованные с медицинской точки зрения этапы речи, потому что у него была психологическая связь с матерью, которая могла интуитивно уловить его потребности по его взгляду или положению рук. По сути, в тот момент жизни мальчика она была единственным человеком во всем мире, который мог понять его, понять этот невысказанный язык, на котором говорили только они двое. Он плакал, когда за ним пыталась присмотреть подруга семьи, плакал, когда мать нашла ему няню, плакал, даже когда она оставила его с мужем, потому что ей нужно было пойти за продуктами, и она просто хотела по-настоящему насладиться покупками: взять кофе и поставить в маленький держатель сбоку тележки, и по-настоящему изучить все продукты, как следует рассмотреть их, потрогать, не торопиться. Ей хотелось всего-навсего совершить один поход по магазинам для себя, но в итоге пришлось все равно идти вместе и упаковать сумку с пеленками, детской едой, салфетками, бутылкой воды, сменной одеждой и набором игрушек. Может, надо было взять еще и книгу? Мальчику было без нее плохо, пусть даже с ним оставался его родной отец, которого никогда не было дома, и они наконец-то могли бы побыть вдвоем – но нет, этого ребенку не хотелось.

Да, она была по-настоящему хорошей матерью, одной из лучших.

Вот и еще одно доказательство, до чего хорошей она была:

эта ее сверхъестественная способность просыпаться, просыпаться и снова просыпаться, ночь за ночью, с того самого дня, как мальчик появился на свет. Ее муж – благослови его Господь – тяжело переносил нехватку сна, но она, к своему удивлению, быстро привыкла, как если бы она не спала всю жизнь, как если бы всегда просыпалась по нескольку раз за ночь и вставала в пять тридцать, как если бы была на это каким-то образом генетически запрограммирована. Хоть она и была по-настоящему измотана этой жизнью, как ни удивительно, не уставала. Переутомленная, доведенная до предела, измученная и несчастная, постоянно на грани, каждое утро она вставала и оставалась в вертикальном положении в течение всего дня, полураздавленная фантастической способностью просто не спать, как спала когда-то.

Я не устала! – говорила она в самые мрачные рабочие дни и продолжала так говорить спустя целый год, проведенный практически наедине со своим юным подопечным, и ее взгляд был изумленно-ясным.

Все хорошо! – чуть нерешительно повторяла она, ни к кому не обращаясь, и все действительно было хорошо. Она гуляла по окрестностям с воркующим свертком, привязанным к груди. Качала его, дремала с ним, готовила и убирала. Иногда она спала, по большей части, конечно, нет, но все было хорошо, а потом мальчику исполнилось два, и в ней опять что-то повернулось.

Она не хотела становиться Ночной Сучкой, ни за что бы

не выбрала такой вариант, если бы у нее в самом деле был выбор. А ее муж – она совсем не хотела на него злиться, она любила, она по-настоящему любила его. В наши дни это так сложно представить. Конечно, были причины, по которым она полюбила своего мужа, несмотря на его чрезмерный рационализм. Она была – по крайней мере, какое-то время – художницей, и поэтому ей казалось, что ее муж каким-то образом отличался от других инженеров, обычных, и это на самом деле было так. Когда она впервые его встретила, еще учась в аспирантуре, он работал в местной компании по разработке ДНК-технологий и снимал комнату с другим молодым человеком, худым, бледным, лет двадцати с небольшим, не слишком разговорчивым, предпочитавшим общению с людьми – компьютер. Она была заинтригована его работой. Как, спросила она, ты разрабатываешь ДНК? Ты какой-то волшебник? Его приводили в восторг эти вопросы, и он давал пространные ответы, полные специфического жаргона, а она щурилась, кивала и задавала новые.

Он приходил на ее художественные выставки и восхищался ее работами, насколько мог восхищаться специалист по разработке ДНК. Он был приятен в общении. Он сам себе нравился. Но по-настоящему она влюбилась, увидев то, что он называл своей Папкой.

Хочешь посмотреть на мою Папку? – спросил он однажды вечером, когда его сосед по комнате тихо убивал ниндзя на своем компьютере – в наушниках, потому что был вежлив.

Компьютер ее будущего мужа стоял в другом углу гостиной, и он предложил ей сесть к нему на колени, а затем открыл небольшую желтую папку на нем, в которой содержалось более восьмидесяти тысяч файлов.

Здесь я храню все интересное, что нахожу в Интернете, сказал он и начал пролистывать файлы один за другим без объяснения причин. Короткое видео, в котором обнаженная женщина выпускает газы в замороженный шоколадный торт. Отфотошопленный милый белый щенок с человеческими глазами и зубами. Голый мужчина в маске мочится на кучу плюшевых игрушек. Толстый кот на беговой дорожке. Старик с кактусом в заднице. Мужчина, покрытый кусочками хлеба, лежит на пляже, вокруг него кружит стая чаек. Ленивец с открытой записной книжкой сидит за партой. Секс-куклы, фурри². Станные люди и странные ситуации, необъяснимые, забавные, сбивающие с толку, тревожные. И фото, заинтересовавшее ее больше других: две голые японки, сидящие на корточках и писающие на маленького осьминога, который, по понятным причинам, извивается, пытаясь от них уползти.

Ого, сказала она.

Бедный осьминог, сказал он.

Зачем они это делают? спросила она.

Наверное, им это нравится, ответил он. Я понятия не

² Фурри-фэндом – поклонники антропоморфных животных; как правило, это выражается в потреблении художественных и литературных материалов.

имею, почему.

Другой человек мог быть оскорблен или встревожен демонстрацией такой коллекции, но она – нет. Напротив, ее привело в восторг, когда ее муж, тогда просто странный мужчина, которого она только начинала узнавать, говорил ей: «Ты только посмотри на этих странных людей!» – и в его словах не звучало ни намек на осуждение или презрение, лишь чистое изумление. Вот что она полюбила тогда и страстно любила до сих пор – его способность восхищаться всеми отклонениями и причудами человеческого поведения. Возможно, это было лучшее качество, которым мог обладать человек, – она поняла это в тот момент, когда сидела у него на коленях, и именно тогда решила, что выйдет за него замуж.

Итак, он был инженером, у него была Папка, и коллекция жутких чучел животных, стоявшая на комодe (у некоторых были неправильно пришиты головы), и плотоядная лягушка по имени Хопкин, жившая в аквариуме у его кровати. С тех пор как она влюбилась в него, лягушка умерла, он поменял работу, но Папка осталась, хотя они не просматривали файлы уже много лет, потому что она больше не могла видеть такое с тех пор, как появился ребенок. Человечности и других подобных качеств в ней теперь было очень много, слишком много, после рождения сына.

Она больше не отдыхала как следует, не ела как следует, ничего не делала как следует. Она была постоянно уставшей,

капризной и беспокоилась о своем теле, о том, менялось ли оно и, если да, что означали эти изменения. И она боялась ночей, тех долгих темных ночей, и обещала себе, что не будет кричать, когда мальчик проснется, но все-таки кричала. Потом извинялась, прижимала его к себе, говорила «тсс», «прости меня» и «все хорошо».

Она так устала, вот в чем было дело.

Тебе надо просто перестать беспокоиться о росте волос или о чем-то еще и настроиться на работу, посоветовал ей муж перед тем, как снова уехать. У всего должна быть схема, понимаешь? Составь план. Составь расписание. Относись к этому, как к своей работе.

Еще он сказал, что счастье – это наш выбор.

Ей хотелось что-то сказать или, может быть, изо всей силы ударить его по лицу, но она постаралась принять его слова ближе к сердцу. Он ведь хотел как лучше. Может быть, он прав.

И вот, хотя снова был понедельник и ее муж снова уехал, она выбрала счастье. Она была полна решимости преодолеть свою одержимость, отказаться от негативных мыслей, в том числе о превращении в собаку (даже несмотря на то, что полоска черной шерсти разрослась и удлинилась), мрачных сценариев, ипохондрии и поисков в Интернете. Она составила недельный график. И меню.

Поскольку счастье было выбором, сегодня она выбрала материнство. Сегодня она выбрала искусство. Сегодня она

прекрасно объединит их и в этом обретет счастье. Ей нравился ее позитивный настрой! Она будет все утро заниматься ребенком, не станет смотреть в свой телефон, она будет любоваться им, пока он играет, а потом, когда малыш уснет, вытащит все свои принадлежности для рисования и, вдохновленная сыном, начнет работу над чем-то новым. У нее в голове не было даже набросков нового проекта, она годами не получала вдохновения, боялась открыть чулан, где хранила свои творческие замыслы – все это было глупо. Ей просто нужно было набраться уверенности. Поверить в себя. Найти время.

Однажды, в аспирантуре, она придумала целую ночную инсталляцию на открытом воздухе, которая включала в себя превращение местной игровой площадки в своего рода волшебный кошмар: круглый купол-паутинка, покрытый огромной многослойной юбкой, а на куполе – ее подруга в костюме белого кролика. Качели стали живыми пушистыми хвостами невидимых животных. Металлические прутья, на которых они были подвешены, она покрыла переливающейся тканью, чтобы вызвать ассоциации с рептилиями. Самое большое игровое сооружение она превратила в многоголового, многоногого хищного зверя, изо рта которого вылетали столь же странные зрители и скатывались по горке, усыпанной блестками, липнувшими к их телам. У нее возникло ощущение, что преподаватели и однокурсники не сочли эту работу достаточно серьезной, но она все же добавила блеска в свой

финальный проект. Подавая заявку на получение степени магистра искусств, вписала в эссе о себе пункт «уникальное воспитание», подчеркнула «эстетику поселенцев», привитую семьей, не забыла «народные традиции», с которыми действительно была знакома, и «желание преобразовать рутинные фермерские занятия в искусство». Поступив с полной стипендией благодаря полученному на ферме в Аппалачах религиозному воспитанию, от которого с самого детства пыталась сбежать, но в нужный момент нашла ему применение, она стала собирать коллекцию животных, сбитых на дорогах, ведущих к ее университету на Среднем Западе.

Она собирала изломанные тела оленей, енотов, кроликов и койотов, снимала гниющее мясо с костей, очищала и отбеливала кости, шлифовала их и полировала, надев защитный костюм на все тело и противогаз, чтобы уберечь от костной пыли одежду и легкие. Она выдалбливала кости с помощью ювелирных инструментов, а затем покрывала золотом или серебром. Когда она могла себе это позволить, то инкрустировала их драгоценными камнями. Она бродила по окрестным лесам и, отыскав вишню, грецкий орех или сосну, срезала ветви. Выравнивала и покрывала узорами дерево, сочетала его с костями, металлами и даже мехом, создавая из этих элементов скелеты новых мифических животных. За это ее очень хвалили. Какой артистизм! – восклицали профессора. Какие навыки, позволяющие подготовить кости, обработать их, соединить с драгоценными металлами и камнями! Она

не только создала несколько поистине творческих и оригинальных произведений, но и продемонстрировала широкий спектр сложных техник.

А теперь не было ничего. Ни единого творческого импульса, как бы старательно она ни искала. Во время беременности, в бессонные ночи последнего триместра, она часами таращилась в телефон, увлеченная теми, кого кто-то бы назвал артистами перформанса, но она называла их людьми, по-настоящему глубоко вовлеченными в художественные эксперименты. Она читала о супружеской паре, которая перенесла множество пластических операций, чтобы стать похожими друг на друга: мужчина вставил себе в грудь силиконовые имплантаты, женщина сделала свой нос в точности таким же, как у мужа. Это был проект на всю жизнь, не просто перформанс, а нечто более глубокое, стирающее грань между жизнью и искусством.

Мать увлеклась этой идеей – идеей отсутствия границ – и стала подробнее изучать жизнь шоумена из Восточной Европы, который начал свою карьеру с выступлений в бродячем цирке, а в итоге пришел к так называемым экспериментам перформативной жизни: трехлетнему молчанию, месяцу жизни обнаженным в витрине магазина и самому знаменитому опыту – индукции амнезии, а потом многолетней работе над восстановлением подробностей своей прежней жизни.

Или взять ту француженку, которая нанимала частных детективов, чтобы следить за своими любовниками, а затем со-

здавала вокруг этого целые арт-шоу – кто демонстрировал заключения ее психиатра в некоторых самых известных музеях Европы?

Мать задумывалась о том, чтобы представить рождение ребенка как своего рода хэппенинг. Может быть, установить в студии стеклянный бассейн, предоставив публике возможность наблюдать, как она выталкивает ребенка из тела во время стоических родов в воде? Или, возможно, она могла бы рожать в анатомическом театре при больнице, в одном из учебных залов, где студенты сидели за партами и наблюдали. Представление стало бы разовым мероприятием, доступным только тем, кто мог прийти в любое время дня и ночи.

В итоге она решила, что такое представление лучше будет устроить со вторым ребенком, когда она уже будет знать, чего ожидать, так что эта идея ушла в стол, потом родился сын, а потом она навсегда оставила эту мысль.

Она смотрела на своего мальчика, игравшего на кухонном полу с металлическим устройством, в закрытом виде напоминавшем космический корабль, а в раскрытом – большой железный цветок. Мальчик чихнул и рассмеялся. Он стал ее единственным проектом. Она создала его, и теперь у нее ничего не осталось. Поддерживать его существование – вот к чему сводились теперь все ее творческие планы. Но сегодня она была полна решимости пойти дальше. Начать с самого начала. Или вернуться к основам. Какая разница.

Она приклеила скотчем к полу кухни огромные листы бу-

маги и вытащила из шкафа пальчиковые краски. Это было сразу после завтрака, и день выдался ясный. Мальчик, казалось, уже устал – лежал, прижавшись щекой к полу, и смотрел, как вращаются колеса поездов, когда он толкает их по рельсам, – но ему, как и ей, просто нужно было что-то новое, что-то веселое.

Она через голову стянула с него пижамную рубашку, сняла обвисший подгузник.

Хочешь порисовать? – спросила она, указывая на блюдо с красками всех оттенков. – Можешь окунуть руку, ногу.

Он двинул ногу к тарелке и вопросительно посмотрел на нее.

Да! – сказала она, улыбаясь, окунула руку в краску и похлопала по листу бумаги, чтобы показать, как это делается. Он опустил в баночку пальцы, наклонился и макнул ладони. Да! – ободряюще воскликнула она.

Его лицо засияло. Он похлопал руками по бумаге, поставил на блюдо с красками ногу, отшагнул в сторону, поскользнулся, упал и попытался встать, забрызгав щеки краской. Он смеялся, и мать тоже смеялась. Она помогла ему подняться и показала отпечатки своих рук, которые оставила у него на животике, а он окунул в краску обе руки и запустил их ей в волосы. Хорошо, сказала она, отводя в сторону его руки. Хорошо.

Мальчик, радостно визжа от восторга, забегал по кругу, тряся руками и оставляя брызги краски на стульях, на занавесах.

весках, на плите.

На бумагу, милый, сказала она ему. Весело, правда? Но только на бумагу.

Он прыгнул на блюдо с красками, прыгнул на бумагу и поскакал, как заяц, по деревянному полу, схватил полотенце и подбросил так высоко, как только смог.

На бумагу! На бумагу! – повторяла она, пытаясь его поймать, и внезапно сама поскользнулась, уцепилась за раскрытую дверцу шкафа, которая слетела с петель и осталась у нее в руках.

Мальчик теперь катался по бумаге, по краске, и хихикал. Пока она осматривала дверь и петли, мальчик вылетел в гостиную.

Нет! ласково прикрикнула она. Он смеялся, радуясь новой игре, и она сказала, с очень, очень серьезным лицом, которое должно было показать, что это очень, очень серьезная ситуация. Я не шучу. Это не игра.

Иг'а? спросил он, обнаженный, измазанный краской.

Нет, ответила она, идя к нему, нахмутив брови и сжав губы в тонкую линию. Ты весь грязный. Сиди на кухне.

Она потянулась к нему, чтобы схватить за руку, и он с криком бросился на диван, на большие подушки, зарылся в них, чтобы спрятаться.

Вымыв мальчика, она провела остаток утра, отчищая краску с пола, стульев, плиты, шкафов, ковра, дивана, пока он смотрел мультфильмы. Пора спать, сказала она себе, за-

кончив уборку. Время сна.

Она укладывала мальчика после обеда, читала ему книжки, обнимала его и пела песенки, пока он не затихал, лежа на спинке в путанице простыней – розовые губы приоткрыты, длинные темные ресницы чуть подрагивают.

Это ее вина была в том, что он хотел, чтобы она лежала с ним рядом, пока он спит; начать с того, что ее вина была в том, что он до сих пор спал в ее кровати. Когда он был совсем крошечным, она укачивала его и кормила в любое время ночи, стоило ему заплакать. Это было так легко. Они лежали в уютной темноте, лицом друг к другу, мальчик прижимался к ее соску, его маленькие мягкие ручки касались ее груди. Пока он ел, мать засыпала, он и сам засыпал, пока ел, перекатывался на спинку, и струйка молока стекала из его раскрытого рта. Ночи были тихими и плотными, и они спали и спали, пока он вновь не просыпался. Так легко. Так мило.

Но легкое и милое перешло в дурную привычку. Надо было воспитывать мальчика, надо было силой заставить его перебраться в свою кровать, в свою комнату. Надо было не вестись на провокации, пока он плачет. Надо было кормить его, когда он проснется, а не перед сном. Не надо было обнимать и ласкать его, чтобы он лег спать. Так учили все книги. Она все сделала по-своему. Значит, винить было некого, кроме себя.

Прележав с ним в кровати около часа, она тоже уснула. Проснувшись с тяжелой головой, недовольная, измученная тя-

желым грузом своих невоплощенных амбиций, своим провалом, измученная так, что с трудом заставила себя выбраться из кровати. Было уже четыре часа, день был потерян. Она охнула, пообещала себе, что завтра попытается снова, но от этой мысли стало хуже, а не лучше.

На обед она приготовила, что и собиралась – кусок индейки с тертыми овощами, жареный картофель и зеленый салат, и хотя в прошлый раз мальчику это понравилось, теперь он отказался и кричал: мака'оны, мака'оны! – пока она не смягчилась и не сделала ему макароны с сыром и горошком. Он съел чуть-чуть, а остальное сбросил на пол.

Мягкий предвечерний свет все окрашивал в печальные тона – студенистые ниточки лапши на пластиковой тарелке мальчика, горошины, закатившиеся под стул, своенравных марионеток и машинки из спичечных коробок, разбросанные возле ящиков и миски с кошачьим кормом. В такие моменты ее одиночество становилось осязаемым, как второй ребенок.

Как ей было пережить еще два, три часа? Как она могла прочитать ребенку пять книжек, придумать сказку на ночь, полежать в кровати час-два, ожидая, пока он уснет? Несмотря на дневной сон, она мучительно ощущала усталость. Чувства – просто нечто эфемерное, что проходит сквозь нас, верно? Так говорил ее муж. Мы сами выбираем, поддаваться им или не поддаваться. Она велела себе отстраниться, наблюдать со стороны за своим эмоциональным пейзажем.

Она проговорила про себя фразу «эмоциональный пейзаж» и увидела там себя, серый силуэт на фоне серого неба.

Она набрала ванну. Она читала ребенку книжки. Она рассказывала истории. Она лежала в темноте и ждала, ждала.

В ту ночь, когда она ждала, лежа в кровати рядом с мальчиком, ее муж наслаждался покоем где-то в номере отеля, читал книгу, смотрел телевизор или играл в видеоигры, ел что-нибудь вкусное, что принесли ему в номер на подносе. Даже если он работал с электронными таблицами или заполнял отчеты, сам образ мужа, сидевшего где-то в тишине, казался экзотическим, полным недостижимой роскоши. В самые мрачные моменты жизни она представляла себе, как он радуется, каждый раз уезжая от них, как волна облегчения прокатывается по его телу каждый понедельник, когда он выезжает с подъездной дорожки. Целых четыре ночи непрерывного сна! Плотные шторы! Ясная, выполнимая задача, которую нужно решить в течение дня! Зарплатный чек в конце недели!

Оставался ли он когда-нибудь на день позже, чем положено? Оттягивал ли за лишней чашкой кофе свой отъезд из Сен-Луи или Индианаполиса? Представив, как он сидит за столиком в кафе и копается в Интернете, она ощутила прилив злости. Он должен был лететь домой, едва закончив дела. Он должен был вставать очень рано – так же рано, как она, – и быстро выполнять работу, чтобы сразу же вернуться к ней.

Именно так поступила бы она, если бы улетать пришлось ей.

Ее проблема заключалась в том, что она слишком много думала – в так называемом токсичном мышлении, – поэтому она попыталась остановить свои мысли, но физическое ощущение никуда не делось. Виновата ли она в том, что муж зарабатывал больше? Было ли разумнее, чтобы она оставила работу, а не он?

Виновата ли она, что он постоянно в отъезде, и большую часть недели она, по сути, мать-одиночка?

Виновата ли она, что ей скучно, очень скучно играть в паровозики? Что она тоскует по малейшей умственной нагрузке, по возвращению к книгам, к давно заброшенным полуготовым проектам, к дням, полным одиночества и тишины?

Виновата ли она, что, несмотря на эту тоску, она все же не может выдать ни одной оригинальной мысли или идеи? Она больше уже ничем не интересовалась. Политика, искусство, философия, фильмы – все казалось ей скучным. Она наслаждалась сплетнями и реалити-шоу.

Виновата ли она, что ненавидела себя за свой интерес к реалити-шоу?

Виновата ли она, что купилась на принятый в обществе миф, будто молодой женщине достаточно получить блестящее образование, чтобы освободиться от ограничений, которые исторически накладывает материнство. Будто сделав карьеру, она сможет легко вернуться к работе после рождения ребенка и избежать тягот предыдущих поколений, неизбеж-

ных, даже если его появление не означало ухода с работы, к которой она впоследствии может вернуться.

На деле это означало лишь большее погружение в работу, взваливание на себя ее невообразимого груза, возрастание ее объема по экспоненте, ошеломляющее, настолько ошеломляющее, как физически, так и психически (особенно психически), что даже самого ментально здорового человека могла бы свалить такая ноша. Нагрузка, которая противопоставляла амбиции биологии, карьеризм – инстинктам, которая требовала от современной матери не опускаться до уровня животных, потому что теперь мы развитое цивилизованное общество – и в чем, черт возьми, вообще проблема? Соединить то и другое. Ничего сложного.

Если задуматься обо всем этом, было бы в самом деле несправедливо называть ее ночной сучкой. Такое гендерное оскорбление не объясняет того факта, что она сотворила мальчика своим собственным телом, месяцами растила и множила в себе его клетки в ущерб себе, собственному телу, собственной сексуальной привлекательности, что не должно было иметь значения. Настоящая феминистка не заботится о таких вещах, как форма тела, стройность или привлекательность для гетеронормативных цис-мужчин, и ее это тоже не заботило, но ей было важно нравиться самой себе. У каждого человека есть представления о себе, есть видение себя, и ее восприятие никто ей не навязывал, но теперь, проводя дни в одиночестве, она чувствовала, что ей важно быть сек-

сапильной.

Есть ли близкое по значению слово, чтобы унижать мужчин?

Если она была сучкой, был ли мальчик вонючим маленьким членоносцем, когда, глядя ей в глаза, бросил на пол корзину с игрушками, которые она только что туда сложила и сразу после того как она убрала с пола макароны? Нет.

А муж? Был ли он мудаком-задротом, когда по ночам прокачивал своего Пит-Лорда, эффективно понижая потенциал нормальной сексуальной жизни благодаря, во-первых, своему отсутствию в постели, а во-вторых, самому факту, что он играл в видеоигры? Был? Возможно.

Слово «сучка» словно заключало в кольцо, осуждающее кольцо, из которого невозможно было выбраться. Кольцо, в которое слова «мудак» или «засранец» не могли заключить мужчину. «Сучка» было плоским, острым, выносящим приговор. Она представляла себе скучающего бюрократа, который сидит в маленьком городе, в обшарпанном кабинете с оранжевым ковром на полу и мигающими флуоресцентными лампочками на потолке и с щелканьем скрепляет степлером официальные, но бесполезные документы. Сучка. Сучка. Сучка. Спасибо. Хорошего дня.

Дом молчал. Тихий и чистый. Пятна краски остались лишь в далеком воспоминании. Мальчик, лежавший рядом с ней в постели, выкупанный не один, а два раза, днем – чтобы его вымыть, вечером – чтобы расслабить, попытаться успо-

коить тем же способом, каким могла бы успокоиться и она, наконец прекрасно заснул. Она медленно поднялась с кровати, спустилась по лестнице в ванную. То ли болела старая царапина – осенью она поранила копчик, – то ли бирка на брюках впивалась в кожу. В неясном, но мучительном волнении она дотронулась пальцем до копчика. Нащупала опухшую горячую шишку и, посмотрев на нее в зеркало, увидела небольшой холмик.

Она надавила на шишку двумя пальцами и вздрогнула от боли, затем снова повернулась, чтобы рассмотреть как следует. Не смогла, достала карманное зеркальце, которое мало что показало, потом попыталась сфотографировать на телефон, но, как ни пыталась, видела на экране лишь что-то красное и размытое. Ей показалось, что из шишки торчит волос, и она решила, что если вырвет его, болезненные ощущения уйдут. Попыталась выдернуть вслепую, но лишь усилила боль.

Твою мать, сказала она в никуда и побрела в чулан за коробкой со старыми художественными инструментами. Когда она открыла крышку, резкий запах красок и шпатлевок и ядовитый привкус старого клея успокоили ее и сразу перенесли в те времена, когда ее грязные пальцы болели, а одежда была вся заляпана глиной и красками. Она глубоко вздохнула, упиваясь этими ароматами, и с трудом сдержала слезы, вызванные глубоким и отчаянным желанием вернуться к своим проектам – любому из проектов – и полной неспо-

собности.

Покопавшись в ящике, она нашла острый модельный нож X-Акто, вымыла его в кухонной раковине и подержала над пламенем на плите. В ванной она провела его кончиком по красному бугорку и, разрезав его, мгновенно ощутила облегчение. Она прижала к копчику мочалку, чтобы впитать кровь, промокнула кожу полотенцем для рук. Вновь ощутив копчик, она обнаружила, что шишка сдулась. Из надреза торчали волосы. Единственное слово, которым она могла это описать, было – *хвост*.

Надо было проконсультироваться с врачом, мягко сказал муж. Не могу поверить, что ты сама разрежала кисту. Это опасно.

Хорошо, ответила она, но как тебе тот факт, что у меня растет хвост?

Он рассмеялся. Он всегда смеялся над тем, что она говорила.

Я бы не назвал это хвостом. Кисты копчика часто бывают волосатыми.

Она знала о таких кистах. Они находились в верхней части копчика, назывались пилонидальными и чаще всего встречались у молодых мужчин; в них попадали волосы и остатки кожи. Она, конечно же, погуглила, просмотрела фотографии и видео, на которых их удаляли, и ни из одной из кист не росло ничего похожего на ее прядь темных волос, которые

было трудно выщипать и которыми – она почти представила это – можно было вилять, когда она была счастлива. Правда, ощутив это нелепое чувство, она тут же его подавила, потому что было бы слишком странно всерьез вообразить виляние.

Ладно, подумала она, если уж очень захочется, можно раз в день как следует повилять хвостом. Но только один раз. Кто знает, что будет дальше, если она поддастся таким желаниям? Кто знает, до чего она дойдет, если начнет вилять копчиком, с любовью лизать сына в макушку, уминать простыни, прежде чем свернуться на них, уложив подбородок на локти, и уснуть?

Она не превращалась в собаку. У нее не было хвоста. Ее зубы не стали острее. А волосы, теперь покрывшие всю ее шею сзади, не были шерстью. Муж прав, и ей действительно нужно прислушаться к здравому смыслу. Нет, она просто не должна представлять себе такие нелепые ситуации – и она не представляла. Разве что ночью, когда мальчик спал, а она сидела, задыхаясь, у окна и смотрела в бесконечную темную ночь.

Следующим утром она сделала то, что сделал бы на ее месте любой здравомыслящий человек: отправилась в библиотеку. Неважно, что она с самых выходных не принимала душ и теперь, в середине недели, корни волос стали до того соевыми, что пальцы вязли в них, а волнистые концы, шелестевшие у лица, были похожи на сухую осеннюю траву. Прибавьте к этому темные круги под глазами, с которыми не мог

справиться ни один консилер. Она нашла в Интернете, что это генетическая особенность, хотя ни у ее отца, ни у матери не было такой особенности и они не выглядели так, будто болели лейкемией или им подбили оба глаза.

Она (неудивительно) не спала всю ночь, мучаясь мыслями – хвост? неужели правда хвост??? – прежде чем пойти в библиотеку и взять несколько книг, чтобы они дали ответ на ее бесконечные вопросы, теории и попытки установить диагноз. Интернет с его бесконечным потоком информации, поисковыми запросами, изображениями, видео и статьями, базами данных, обсуждениями и опросами был слишком страшен. До вчерашнего вечера мать и не догадывалась, что если вбить в поиск фразу «я выгляжу так, будто мне подбили оба глаза», откроется не только список из семи распространенных глазных травм, но и бесконечные исследования черепно-мозговых травм, сотрясений мозга и причин хронической головной боли. Дальнейшие поиски рассказали все об аллергии на пыльцу, продукты питания, растворители и ежедневное загрязнение воздуха, а затем открылись воспаления, аутоиммунные заболевания, невозможность установить точный диагноз, синяки, беспричинные боли и беспокойство, истории женщин, которым так или иначе причиняли боль, женщин, озабоченных своим телом, и которым некуда было обратиться, и они поворачивались друг к другу и видели, что каждая смотрит в свой собственный белый квадрат света.

О господи, думала она, лежа в кровати. О господи, она не

хотела становиться одной из этих больных, испуганных матерей, которые по ночам сидят в Интернете и обсуждают волосы, торчащие из кист, лезущие из пор, прорастающие из прыщей, ищут фотографические доказательства и так далее. Она не хотела становиться одной из женщин, больных *чем-то*, женщин, на которых обращены недоверчивые взгляды искоса. Насколько проще было тем, у кого было два понятных синяка под глазами, или простая и очевидная болезнь, или рана, или сломанная кость – что-то ясное и объяснимое, что-то, что можно предъявить в ответ на вопрос, что случилось. На что можно указать и воскликнуть: вот причина всех бед!

Поэтому, в состоянии пока еще адекватном и не требующем срочного вмешательства, ей показалось правильнее всего успокоиться в библиотеке, среди стопок всего, что было исследовано и продумано, написано и переписано, проверено фактами, рассмотрено множеством умных и не очень умных людей, прежде чем обрело форму, позволившую распространить эту информацию публично. Библиотека действовала как бальзам на душу. Подходя к зданию вместе с мальчиком, она чувствовала, как ее сердце утихает. Войдя, глубоко вдохнула лишенный запахов воздух.

В библиотеке она нашла медицинский текст о кистах, в частности о тех, которые называются дермоидными. В них в редких случаях могут развиваться волосы, зубы, глаза. Ей захотелось увидеть все, что может вырасти в теле, и предста-

вить себе, как из кисты у нее на спине вылезают зубы, один за другим, последовательно, как из конвейера. Вторую книгу она нашла в библиотечной базе данных, а затем в спешке копалась на полках, пока мальчик, что называется, киснул на втором этаже библиотеки, там, где с помощью десятичной системы Дьюи можно найти книги по фольклору на стеллажах от 350 до 412. Мальчик лежал на полу и топал ногами, потому что ему было скучно среди документальной литературы.

ПошлииИИИ! вопил он, пока она искала справочник под номером 398.3, и хватал изрядно изодранные корешки. Превозмогая боль в спине, она подняла мальчика с пола, поволокла его вниз по лестнице, в детскую комнату, и вручила паровозы. Со своего места, пока ее сын довольно пыхтел, она наблюдала за ужасными Книжными Малышами, которые возились в этой маленькой комнате.

Ее проблема была в том, что ей не нравились компании мамочек. Конечно, если бы она встретила интересную, яркую, остроумную, прекрасную женщину, с которой нашла бы общий язык, и эта женщина к тому же оказалась бы матерью – это было бы отлично. Больше, чем отлично – это было бы чудесно! Замечательная женщина, с которой она могла бы обсудить детей, не стесняясь в выражениях. Женщина, которая была бы не прочь выпить во вторник днем по бокалу розового. Хотя она не стала бы избегать дружбы с женщиной лишь потому, что та тоже была матерью, заводить дружбу,

основанную лишь на общем материнстве, ей было противно. Ей было донельзя тоскливо находиться в комнате, полной матерей и их подопечных, где женщины, сжав в руке помятые пластиковые пакеты с едой, нюхали подгузники, проверяя, нуждается ли ребенок в смене, или гонялись за ними с салфеткой, как с оружием, наперевес, чтобы вытереть им нос. Эти матери по очереди тупо смотрели вдаль, пока их дети бегали и кричали, мочили штаны, врезались друг в друга, кричали еще громче, плакали, смеялись и носились взад-вперед. Она научилась отличать матерей по особенно-му взгляду, в котором читались не только усталость и скука, но и нечто большее. Как будто матери смотрели на что-то ими потерянное и уже не могли понять, что же это было.

Она знала этот взгляд, потому что и сама часто смотрела в никуда. Она ловила себя на этом, пока рассказывала сказки, играла в паровозы, ставила мультфильмы. Пустота наползала на нее, и она ощущала пустоту, лишь очнувшись рядом с сыном, гудевшим, как самосвал.

Поэтому она активно сопротивлялась дружбе с мамочками, сюсюканью и воркованию в детских комнатах, обязательным играм в зале, групповым ладушкам-ладушкам и коллективным рельсам-рельсам-шпалам-шпалам, навязываемой жизнерадостности. Это болото затягивало, и мать не хотела ничего подобного: она тоже была матерью, но не такой, которая намеревалась выстроить свою жизнь вокруг ре-

бенка, наполнить ее групповыми занятиями с младенцами и полностью погрузиться в поток, перемещаясь изо дня в день, из недели в неделю в соответствии с расписанием этих мероприятий, состоять в групповом чате, писать об аттракционах и игровых комплексах, делиться предупреждениями о клещах, о пестицидах на овощах и фруктах. Но они жили в своем мире. Она видела их в окна, обрамлявшие дверь. Эти мамочки. Эти счастливые мамочки.

Командовала парадом блондинка – Большая Блондинка, как она всегда думала, видя ее в библиотеке, или на детской площадке, или в игровом зале магазина, где она яростно набирала что-то в телефоне, с ее такими же блондинистыми, беззаботно болтавшими близняшками в джемперах с очаровательными оленями и совами, в изумительных юбочках в тон, разрисованных лесными пейзажами, с шелковистыми локонами, забранными в хвостики и перевязанными розовыми бархатными лентами. Они ползали по залу, и из-под юбочек торчали пышные желтые панталончики с вышитыми на задниках именами – Селеста и Оберджин. Она была супермамочкой, эта блондинка, идеальная, монументальная, пусть даже и назвала одну из дочерей именем, по-французски означавшим «баклажан».

Ей было наплевать! Ни капли не стыдясь этого овощного имени, она улыбалась, смеялась, обнималась, болтала, кормила и вписывалась всюду, куда в принципе можно было вписаться. Мать с безопасного расстояния наблюдала, как

одна из дочерей Большой Блондинки помахала рукой своей матери, которая, в свою очередь, помахала другой дочери, та ответила тем же. После чего Большая Блондинка сжала обеих дочерей в объятиях, те захихикали, и она вытащила из своей сумки для подгузников два красных яблока, передала девочкам, они с абсолютным удивлением уставились на сочные фрукты, но быстро нашлись и задвигали челюстями.

Именно в этот момент Большая Блондинка подняла глаза и увидела измученную мать – эту уставшую мать в помятой рубашке, бедняжка, всегда одна с сыном (какой кукленочек) и такая странная! Что с ней не так, почему бы ей не прийти к нам? – Блондинка помахала ей и, что-то быстро и весело проговорив другим матерям, вытащила из глубины своей сумки какой-то предмет, поднялась и пошла к несчастной матери, натянувшей свою самую дружелюбную улыбку и судорожно думавшей: вот-дерьмо-вот-дерьмо-вот-дерьмо.

Привееееет! пропела Большая Блондинка, приближаясь. Мать на мгновение подумала, что это привидение – нельзя же быть такой идеальной, с такими четко прорисованными линиями лица. Она, как некоторые женщины, наполняла всю комнату особым благоуханием, и от этого благоухания мать вновь ощутила легкое шевеление чуть ниже спины. Неужели он опять виляет, в ужасе подумала мать и на мгновение забыла о своем раздражении, вызванном этой женщиной, Большой Блондинкой, практически ходячим парфюмерным магазином: от нее пахло свежей эссенцией только что высти-

ранных белых шорт, мягкого кашемира, чего-то земного и в то же время необычайно изысканного, наподобие пачули, и перебивающим все эти запахи сладко-розовым ароматом клубничных конфет. Этот запах навеял матери воспоминания из детства: большой кусок жевательной резинки, слишком большой для ее рта, и сироп, стекающий по подбородку. Браслет-талисман на запястье Большой Блондинки зазвенел, вернув мать из задумчивости, заставив помахать и скривиться в ответной улыбке.

Мальчик оторвался от поездов, чтобы тоже помахать грязной, грязной рукой, и именно тогда мать осознала неухоженность своего ребенка: его волосы были растрепаны, рубашка испачкана соком после завтрака, растянутые штанишки провисали на ягодицах, из-под них виднелся подгузник, обвисший и мокрый, как насадка для швабры. Что касается ее собственной внешности, она должна была вызвать у Большой Блондинки предсказуемый ужас. Она сегодня накладывала маскирующее средство под глаза? Пользовалась дезодорантом? Когда она в последний раз умывалась?

Привет! повторила Большая Блондинка с легкостью и дружелюбием, которых матери так не хватало. Как у вас дела? Мы же как-то виделись, правда? спросила она, указав одним пальцем на себя, а другим – на мать, а потом подвигав ими туда-сюда. А почему вы, ребята, не с Книжными Малышами?

Ой, он слишком увлечен своими паровозами, ответила

мать, указывая на мальчика, который вновь занялся игрой и громко гудел.

Ясненько. Ну, когда придете в следующий раз... Она чуть помолчала для большего драматизма, а потом заговорщицеским тоном шепнула: Мы с девчонками открыли новый бизнес! Мы продаем травы. Это так классно! Мне кажется, ты тоже любишь травы, да? Все натуральное, отлично же!

Нуууу, может быть! протянула мать насколько могла жизнерадостно, хотя продажа трав казалась ей самым банальным занятием, какое только можно придумать, поскольку она поняла, о чем именно говорит Большая Блондинка. Она хотела сказать что-то еще, вежливое и нормальное, потому что изо всех сил пыталась казаться вежливой и нормальной, но в этот момент до нее донесся кошачий крик кого-то из близняшек Большой Блондинки, возившихся под столом. Большая Блондинка повернулась к ним, закатила глаза, как бы говоря: все же норм!

И сказала матери: я пойду, но мы же еще увидимся, правда?

Конечно! ответила мать с чувством, которое, как она надеялась, правдоподобно демонстрировало ее энтузиазм и дружелюбие. Большая Блондинка улыбнулась и помахала ей на прощание, прежде чем рвануть обратно, сгрести в кучу своих хлюпающих подопечных и вытереть им сопливые носы.

Тутуууу! вопил мальчик. Тутуууууу!

Зайка, сказала она своему грязному сыну, внезапно устав, так устав, что ей хотелось только одного – скорее лечь в кровать. Зайка, пойдем.

В тот вечер, промучившись больше часа и наконец уложив мальчика спать, мать рухнула на диван, потерла глаза и открыла большую сумку с книгами, которые принесла из библиотеки. Несколько – для мальчика, о пожарных машинах, автобусах и грузовиках, и две – для нее. Пара книг, которые, как она надеялась, каким-то образом могли пролить свет на ее текущее состояние, хотя она сильно сомневалась, что это возможно. По крайней мере, они могли бы отвлечь ее от постоянных забот – от зубов, которые заострялись, а может быть, не заострялись, от хвоста, который мог расти, а мог и не расти, от волосяного ковра, ползущего по ее шее.

Первая книга была слишком медицинской, слишком сложной и напечатанной слишком мелким шрифтом, поэтому она открыла вторую, «Справочник о ведьмах и волшебницах» (дата публикации – 1978 г.), на обложке которой были изображены всевозможные фантастические существа, выполненные в стиле 1970-х, вызывавшие ассоциации с Нэнси Дрю и фильмами категории В, размытые, затемненные, чернильные. Она посмотрела на корешок, чтобы убедиться, что это была, да, действительно документальная литература, и открыла первую страницу.

Хотя мать полагала, что «Справочник о ведьмах и вол-

шебницах» представляет собой сборник глупых историй о жутких женщинах прошлого, просматривая книгу, она убедилась, что это в самом деле скорее справочник, чем что-либо другое. Автор, Ванда Уайт, писала: *«Я отправилась на поиски мифических женщин, в исследовательскую экспедицию, побывала на всех семи континентах и посвятила этому всю свою деятельность. Эта книга стала кульминацией моей работы. Хотя мои коллеги утверждают, что область, которую я исследую, а именно мифическая этнография, не жизнеспособна, я представляю на этих страницах неопровержимые данные, оспаривающие их утверждения».*

«Поняв привычки, рацион и характер этих существ, — продолжала она чуть позже, — вы тоже сможете узнать их, встретив в дикой природе, и испытать их магию на собственном опыте».

В предисловии Ванда Уайт объяснила, что она «всегда питала особый интерес к способам проявления женственности на мифическом уровне» и особенно обращала внимание на «опыт материнства и то, как он усложняет, углубляет или полностью отрицает женственность», затем поставила следующий вопрос:

«К какой идентичности обращаются женщины, когда все доступные им идентичности терпят неудачу? Как женщины-

ны расширяют свою идентичность, чтобы охватить все грани своей натуры? Как женщины могут обратиться к миру природы, чтобы выразить свои самые сокровенные желания и самые первобытные фантазии?»

Фотографии автора в конце книги не было, только краткая биография, сообщавшая: «Ванда Уайт – доктор биологии, преподает в Университете Сакраменто. Всю жизнь проработала в области мифической этнографии».

Мать читала все это примерно с теми же чувствами, которые испытывает человек, наблюдающий за исцелением верой или за презентацией товара перспективному покупателю, то есть с легким озадаченным интересом и добродушным скептицизмом. Тем не менее она продолжала.

В первой главе Уайт рассказывала о женщинах-птицах Перу, живших в высоких кустарниках тропических лесов, в замысловатых и искусных гнездах, которые они сами вили из прутьев и тростника. Иллюстрации демонстрировали несколько таких гнезд: одно из них представляло собой круглый шар высотой почти семь футов с маленьким отверстием сбоку, а другое – сложное строение, мало чем уступающее красивейшим архитектурным проектам модернистов середины XX века. Женщины-птицы питались фруктами и насекомыми, делились едой друг с другом, часами напролет кричали. Они не рождались птицами – перья и клювы начинали отрастать у них где-то годам к шестидесяти, но только

если они никогда не были замужем и не имели детей. Было неясно, что становилось причиной трансформации, но жители небольших перуанских деревень часто объясняли исчезновения пожилых одиноких женщин тем, что они уступили «зову птиц». Жители указывали на лес и небо, размахивали руками, пытаясь объяснить.

Женщины-птицы перелетали с дерева на дерево, издавали прекрасные крики, учились летать. Уайт утверждала, что однажды ей довелось наблюдать, как женщина-птица совершила «сумеречный полет» – ее первый и последний полет, потому что, как только женщина-птица научится летать, небо уведет ее от построенного ею гнезда к горизонту в неизвестном направлении. Уайт знала лишь, что женщины-птицы, которые научились летать, никогда не возвращались, а подруги, проводившие их в полет, несколько дней издавали звуки, которые она описывала как *«сладкозвучный, виртуозный плач, трели, достойные Бетховена или Моцарта, будь они птицами»*.

Это было все, что мать успела прочитать, прежде чем отрубилась здесь же, на диване, и ей приснилось дерево, листья на котором качались от птичьих песен, великолепный закат и – выдох. Взрыв. Ни веса, ни тела, только движение и небо. Бесконечное падение.

В четверг она проснулась с грязной головой, в спортивном бюстгальтере, который уже очень долго не снимала ни днем,

ни ночью, и в тот же момент проснулось маленькое тельце в кровати рядом с ней, нимало не заинтересованное, сколько сейчас времени, и ей уже ничего другого не оставалось. Будил ли он ее ночью? Дважды? Может, даже трижды? Увидел плохой сон? Захотел попить водички в три часа ночи? Потерял соску? Неважно, он всегда вставал вместе с солнцем, а она лежала в кровати с закрытыми глазами. Может, если я не буду шевелиться, он меня не заметит. Эта полная надежды мысль всегда приходила ей в голову, пришла и теперь, но он вскарабкался ей на грудь, прижался лицом к ее лицу.

Мама, сказал он. Ставай-ставайставай!

Угу, ответила она, не шевелясь.

Мама ставай, повторил он. Паавозы!

Она надела лежавшие на полу измятые брюки, достала из ящика самую неизношенную футболку, еще не до конца проснувшись. Мальчик, в обвисшем ночном подгузнике, был уже внизу, возле рельсов, покрывавших пол гостиной. Он прижался мягкой щечкой к холодным деревянным доскам и смотрел, как движутся колеса паровозов.

Уууууу, гудел он. Уууууууууу.

Каждое утро было одно и то же: шесть часов, рельсы на полу гостиной, тяжелая сковорода на плите, кусочек масла, замороженные картофельные оладьи, извлеченные из помятого пакета в морозильной камере, соль, упаковка йогурта в холодильнике; вымыть пластиковую миску, оставленную в раковине накануне вечером, вымыть тарелку с нарисованным

трактором, потому что это единственная тарелка, из которой изволят есть маленький принц, перевернуть картофельные оладьи, переложить оладьи в миску, вымыть вилку и ложку, подуть на тарелку, поставить тарелку на маленький пластиковый столик в углу кухни. Молочко или сок, зайка? Молочко или сок? Сама она съедала банан, который он тоже хотел – не свой собственный, а именно ее, остатки, – потому что был по-прежнему голоден. Потом он хотел нажать на кнопку блендера, когда она готовила смузи, но боялся шума машины, поэтому бросался на пол в бессильной ярости, потому что не хотел, чтобы было громко, когда он нажимает кнопку, но он должен был нажать ее.

Зайка, сказала она, но ты же знаешь, что будет громко. Каждое утро бывает громко.

Нет, мама, НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ, вопил он.

Каждое утро одно и то же. Каждый день одно и то же. После завтрака – поиграть в паровозы, почитать книжку о паровозах, почитать еще раз ту же самую книжку, и еще, это в последний раз, и еще один, ладно, но только один, потом пройти квартал, перейти оживленную улицу, пробежать через стоянку у церкви к железнодорожным путям на небольшом холме. Осмотреть железнодорожные пути. Потрогать камушки. Не бросайся камушками, зайка. Не надо ими бросаться. Споткнуться о рельсы. Расстроиться. Кричать и пинать камни. Успокоиться и обсудить, какие бывают вагоны поезда. Скоро приедет поезд? Она не знала. Просто нужно

подождать и набраться терпения.

Скучно ли это было? Да, она понимала, что это скучно, и ей хотелось, чтобы кто-нибудь, кто угодно, понял монотонность ее жизни, отупляющую рутину, в которой активность ее мозга начинала замедляться в тот же момент, как она просыпалась каждое утро, полная больших ожиданий, мыслей о новых проектах и новых силах, солнечном дне, счастливом мальчике и воплощенных целях. Понемногу эти мысли перемалывались другими, о том, что есть и что убирать, медленной агонией Графика – время завтрака, время прогулки, время обеда, время сна, время перекуса и время садиться на горшок – то одно, то другое, то снова первое, пока все мысли не улетучивались из ее головы, оставив только физическое ощущение усталости, боли в пояснице, жирных волос, вздутия живота от употребления слишком большого количества крекеров-рыбок, содержащих натрий. Она говорила на детском языке и постоянно задавала разные вопросы о какашках.

Покачай в горшок, предлагала она, когда у мальчика болел живот. Он уже давно отпраздновал второй день рождения, и ему следовало бы научиться какать в горшок. Он охотно садился на горшок, и она читала ему книжку под названием «Горшок», о том, как замечательно какать в горшок, но когда приходило время какать, он требовал надеть подгузник.

Но, зайка, попробуй сесть на горшок.

Нет, кричал он, вставая. По'гузник!

Она вздыхала.

Ладно, говорила она. Хорошо.

Она надевала на него подгузник, он заходил за стул и высовывал из-за него голову.

Кака! говорил он, хрюкая, тужась, глядя ей в глаза, пока испражнялся. Потом с раздутым подгузником выходил из-за стула и говорил ей: Вытри попу.

Той ночью он не хотел спать. Часы, и часы, и часы напролет они лежали бок о бок, сражаясь друг с другом. Она не позволяла себе рычать, свирепо лаять, показывать зубы, сужать глаза и прижимать уши, хотя ей очень всего этого хотелось. Их дом представлял собой бунгало с изогнутыми углами, архитектор которого не очень представлял, как строить дома. Когда они въехали, этот дом казался ей очаровательным – если на то пошло, так это она убедила мужа, что здесь именно то место, где им нужно жить, несмотря на сомнительного качества проводку и только одну ванную, – но теперь ее злили двери, слишком узкие и слишком короткие. И сколько бы она ни убирала, здесь никогда не становилось достаточно чисто. Этот дом, думала она, злится все больше, больше.

Этот сраный дом.

И вместо того чтобы считать овец, там, в постели, ожидая, когда мальчик уснет, – пока он ворочался, запутывался в простынях, распутывался, просил поесть, попить, ныл,

пытался с ней поиграть, надувал губы в ответ на ее слова, что пора спать-спать, пока он брыкался и метался, а она тихо и неподвижно лежала рядом, — она представляла себе, как пробивает дыры в штукатурке стен. Как собирает все силы, чувствует содрогание, когда ее кулак касается твердой стены. Ее рука будет в крови. Костяшки пальцев поранятся. Но стена уступит, обрушится, сломается. Теперь она видела облегчение, которое могло прийти с насилием.

Бум, бум, бум. Час ночи рядом с мальчиком. Бум. Два часа. Еще не спит. Еще одна ночь, и она расплчется. Еще одна ночь, и она выберется из кровати, спустится вниз и не будет обращать на него внимания, когда он выскользнет из спальни и спустится по ступенькам, будет читать, лежа на кушетке, и не станет смотреть на него, когда он прижмется к ее руке, будет делать что хочет, и пусть он засыпает, когда ему заблагорассудится, — потому что она понимала, что больше так не может. Она просто не могла больше лежать с ним в этой постели ни одной чертовой секунды.

Нужно было отвлечься. Почитать что-нибудь. Что угодно, лишь бы отвлечься, приглушить бурлящее отчаяние и тоску. И вот он, на прикроватном столике: «Справочник о ведьмах и волшебницах». Конечно.

Она решила читать книгу не как полагается, от начала к концу, а просто раскрывать на случайной странице и прочитывать то, что там увидит. Ей казалось, что книга — не просто предмет, а скорее существо, которому есть что рассказать, и

рассказать именно ей. Такую книгу она просто не могла читать, как обычную.

О чем ты хочешь поговорить? – думала она, доставая «Справочник» из сумки где-нибудь в парке, и книга, словно отвечая ей, раскрывалась на главе «Экскурсия в Антарктику» или «Некоторые размышления о трансформации».

В эту ночь, ожидая, что завтра, к огромному облегчению, вернется домой муж, она, лежа в удушливой жаре спальни и слушая, как рядом сопит сын (он наконец уснул где-то между двумя и тремя часами), раскрыла книгу на главе «Домашние породы».

Цитата из книги Уайт: *«Хотя мои исследования за границей, безусловно, были одним из самых захватывающих и увлекательных аспектов моей работы, нельзя упускать из вида и менее экзотические разновидности волшебных жещин, которые заслуживают отдельного серьезного и откровенного рассмотрения».*

Ну что ж, подумала мать. Пусть будет так. В этой главе она обнаружила Мертвящих:

«Тип современной жещины, сосредоточенной на всем, что связано с карьерой, успехом, финансами и властью. Мертвящая может выбрать любую область реализации, однако обычно занимает высокий пост в этой области.

Одевается так, как считает нужным, в любом удобном ей стиле, но, если вам не повезет и вы начнете ей проти-

воречить, будьте начеку: ее резкий взгляд может лишить вас дееспособности на несколько дней. Острое слово способно внушить вам глубокое и мучительное сомнение во всех жизненных решениях. Иногда – хотя это пока моя неподтвержденная теория, пусть даже основанная на многолетних наблюдениях, – характер Мертвящей с возрастом проявляется сильнее, ее реальное физическое тело приобретает новую остроту, а лицо сужается до точки, в то время как лоб, нос и подбородок выпирают сильнее. Возможно, это имеет магическую природу, а возможно, так выражается старение. (При правильном финансировании я бы с радостью углубила свои разработки.)

Несостоявшаяся Мертвящая – по-настоящему жалкое существо, хотя и не менее суровое. Если она не занимается никакой профессиональной деятельностью, то ее дом безупречен, супруг и дети послушны, а домашнее хозяйство подчинено строгому распорядку. Эта разновидность во всем требует тем большего совершенства, чем сильнее разрушены ее мечты. Дай Бог ее семье терпения.

Мертвящие часто вступают в неоднозначные отношения с другими женщинами. Сексуальные или нет, вы, скорее всего, никогда не сможете различить.

Можно было бы предположить, что другие женщины не любят Мертвящих за презрение к коллективности, свойственной женским социальным кругам, но я обнаружила, что это совершенно не так, скорее даже наоборот: бе-

та-женщины, находящиеся поблизости от Мертвящей, уважают ее и питаются ее силой, понемногу превращаясь в ее собственные анимации, и за несколько лет непрерывного общения с ней могут также выработать в себе черты Мертвящей».

Мать закрыла глаза. Каково это – находиться среди женщин с такой же живой жизненной силой? Строить огромные империи и прежде немыслимые миры? Контролировать обмен идеями, эволюцию общества? Раньше она никогда особенно не интересовалась историями успеха или прихода к власти, но на миг ей показалась привлекательной империя, управляемая только женщинами, а следом – возможность владения силой, которая могла бы все это разрушить лишь по прихоти. Целое разрушенное королевство как проявление гнева одной-единственной женщины. Или не королевство, а комната. Все, что угодно, лишь бы вынести то, что она чувствовала, за пределы собственного тела, потому что она очень долго терпела все это и больше не могла.

Вдобавок к тому, что волосы разрастались на шее и плечах, вдобавок к острым зубам и хвосту, на следующее утро ее грудь опухла и болела, а поясницу сводили судороги. Любое движение вызывало сильнейшую головную боль. Причину этого она понимала. Это было нормально – во всяком случае, нормально с тех пор, как через год после рождения ре-

бенка у нее возобновились менструации: то настоящий потоп, то мутная струйка, то целая мучительная неделя, то всего пара дней. Теперь ее менструации объединяло лишь одно – страдания.

Никогда раньше она не испытывала такой агонии, состояния настолько острого, что теперь она понимала женщин, убивших своих мужей и объявивших ПМС смягчающим обстоятельством. Единственное, чего ей в такие дни хотелось – убивать.

Кроме того, на нервы ей действовала толстая черная кошка с неухоженной шерстью, торчавшей в разные стороны, и большими зелеными глазами, лишенными интеллекта, моргавшими и моргавшими с частотой, вызывавшей в матери бешеную ярость.

Пинала ли она эту кошку – по большей части случайно, потому что чертово животное вечно крутилось под ногами, прося больше еды, но и немного намеренно, чтобы хоть ненадолго наполниться мрачной радости? Да.

Пошла отсюда-пошла-пошла-пошла, шипела она, носясь по кухне и стараясь поймать кошку, которая, прошмыгнув между ножками стула, скрылась под столом. Мать топнула, чтобы напугать кошку, ухватила за нелепо круглый живот. Кошка пискнула, как игрушка, и как будто сдулась. Ее крошечные лапки двигались, когда мать выносила ее из кухни на крыльцо.

Раньше, до того как появился сын, она любила кошку. Это

было великолепное животное, абсолютно черное и экстравагантно лохматое, с большими зелеными совиными глазами и тихим мяуканьем, звеневшим, как голос принцессы или колокольчик. Она была поразительно красива и столь же поразительно тупа. Она отчаянно мяукала, пока кто-нибудь не подходил к ее миске и не указывал ей на еду, может быть, даже тряс миску – лишь тогда она подходила к ней и начинала с жадностью есть, если ей того хотелось – а хотелось ей всегда. Она всегда шла в том же направлении, что и мать, путалась под ногами, а когда мать случайно наступала на нее, с жутким воплем уносилась прочь. Кошка слишком много ела и так растолстела, что не могла как следует ухаживать за собой, и матери приходилось с отвращением смывать прилипшее дерьмо с кошачьей задницы. Такая чистка была необходима, поскольку кошка была предрасположена к инфекциям мочевыводящих путей ввиду того, что ветеринар назвал аномальной вульвой.

Но ведь мы до этого доросли! ласково говорил муж, когда она жаловалась на кошку, брал тупое создание на руки и заявлял: ты только представь себе, эта кошка, как и мы, развилась из одноклеточного организма и вместе с нами добралась до текущего исторического момента. Мы это сделали!

Мать раздражалась лающим смехом, поскольку никогда об этом не думала, и какое-то время действительно воспринимала кошку как собрата, а не как бесполезное существо, но чувство общности вскоре ушло.

Ну да, они это сделали. Но если говорить по существу, конкретно эта кошка никогда бы не появилась без человеческой помощи. Она была дворцовой, королевской кошкой, сидевшей целыми днями на шелковой подушечке и евшей мясо, измельченное для нее румяным поваром. Эта кошка была достойна смерти, если уж играть по правилам эволюции.

Сейчас матери меньше всего хотелось, чтобы кто-то еще нуждался в ней, требовал заботиться о нем, кормить, мыть, умиляться и любить. Ей хотелось только покоя и чтобы ее не трогали.

Мысль о том, что общество, взрослая жизнь, замужество, материнство и все остальное были тщательно спланированы, чтобы указать женщине на ее место и не давать сдвинуться, — эта мысль давила все сильнее. Конечно, она и раньше приходила матери в голову, но после того как появился сын, она обрела новую форму, громоздкий вес, ставший еще больше, когда мать бросила работу, когда ее тело изо всех сил пыталось восстановить равновесие. И когда она лишилась всего, что у нее было: карьеры, красивой фигуры, амбиций, нормально работающих гормонов — антифеминистский заговор стал казаться ей не только правдоподобным, но и почти неизбежным.

В тот день ей нужно было купить кошачий корм и другие продукты, по мелочи, и ей не хотелось идти покупать все это, но она все равно пошла.

В магазине она все никак не могла отделаться от этой мысли — она загнана в ловушку, все было тщательно спланировано, — и настроение стало еще хуже, несмотря на все усилия мыслить позитивно и выбирать быть счастливой.

Катя тележку мимо полок с продуктами, она думала, не становится ли истеричкой. Это было самое ужасное, что она могла представить. Она всегда гордилась тем, что не склонна к истерикам, что лишь временами немного расстраивается, но в целом мудрая женщина, умеющая сохранять спокойствие.

Конечно, она понимала, что сам термин «истеричка» придуман сексистами, и не вешала ни на кого такой ярлык, но ей хотелось быть уверенной и в том, что на нее такой ярлык точно не повесят.

Печенька, печенька, залепетал мальчик в коляске, а потом сложил ладошки, прижал к груди и вытаращил глаза, умоляя. Она улыбнулась, легонько постучала его по носу и повезла тележку в хлебобулочный отдел.

Никакой истерии никогда не возникло бы, если бы утверждения, по поводу которых истерили, были бы правдой, если бы все системы не были продуманы так, чтобы поставить женщин в невыгодное положение. Фактически, несмотря на то что вялое историческое определение истерии обвиняло во всем матку и неконтролируемые женские гормоны, они не мешали женщинам, а напротив, помогали мыслить в жестких реалиях гендерной политики и оттачивать навыки кри-

тического мышления до остроты бритвы.

Да, конечно, вскипающая в ней ярость была отчасти побочным продуктом физиологических процессов, но как вообще можно не злиться после рождения ребенка? – подумала она, взяв кусок сыра, понюхав его и внезапно почувствовав глубину запаха, до сих пор ей неведомого, – сена, дыма, меда, грибного мускуса, чего-то еще, приторно-тухлого. Удивительно, подумала она, кладя сыр обратно. Предменструальная чувствительность, сказала она себе, хотя в голове кружились мысли, что обостренное обоняние – еще один из симптомов превращения в собаку. Она шла по магазину, и окружающие запахи становились все резче: спелых хлебных дрожжей; пищевой соды; горького шоколада от батончика, купленного для мальчика; уксуса, который источала банка оливок; молока всех степеней свежести; мертвых полей травы, которыми разило от прилавка с мукой; тонких острых ноток кофейных плантаций.

Продвигаясь вперед, она будто оживала с каждой минутой. Счастливое лицо мальчика было перемазано шоколадом. Она чувствовала аромат черного чая и мокрую вонь несвежей мочи в его подгузнике, запах зеленой соли, идущий из отдела морепродуктов. Мальчику нравилось разглядывать лобстеров в аквариуме, которые, зацепившись когтями, дрались в мутной воде. Они и теперь остановились посмотреть, как лобстеры расталкивают друг друга и бьются об стекло.

Сколько же страданий в продуктовом магазине, думала

она, катя тележку дальше, мимо пожилой работницы магазина, жарившей рыбное филе на небольшой сковороде. Дашь откусить? спросила она мальчика, указывая на печенье. Поделишься? Он протянул ей печенье, она откусила краешек, выдохнула «спасибо», и он захлопал грязными ручонками. Ее внезапно охватило мучительное желание съесть печенье целиком, нет, целую пачку. Ей резко захотелось есть – нет, даже не так. Ей не хотелось печенья. Она пошла в мясной отдел и купила три толстых говяжьих стейка – запах железа, крови и смерти наполнял ее тело глубоким голодом. Они были так прекрасны! Как она раньше не замечала их красоты, глубокой темной красноты мяса и резко контрастирующей с ними белизны завитков жира? Каждый кусочек – маленький шедевр, подумала она, облизывая губы, и попросила добавить к мясу два фунта лопаток, хотя нет, знаете, давайте три. И штук шесть колбасок. А это что, жаркое? Выглядит восхитительно. Свешайте фунт, хорошо? И вы только посмотрите на этот кусок! Воон тот, размером с опоссума, велела она мяснику, который усмехнулся, вытаскивая мясо из глубины витрины. И еще несколько кебабов, с овощами будет хорошо, здоровое питание, сказала она, с трудом держа себя в руках.

Да, овощи – еда цивилизованных людей. Собака бы овощей не купила.

Думай, что говоришь, сказала она себе.

Прекрати, сказала она сама себе. Прекрати разговаривать

сама с собой.

Твою мать.

Была пятница, и вечером возвращался муж. В ее тележке лежало десять фунтов мяса. Ей были нужны сок, салфетки, йогурты, бананы, что-нибудь хрустящее и упаковка цивилизованных морковок.

Представьте, каково это: выбирать хрустящие снеки в компании малыша и звериным чутьем ощущать запахи, пока чудовищность патриархального общества выглядит из-за каждой коробки с крекерами, скрипит в каждой упаковке кренделей.

Когда перед ней распахнулись автоматические двери, мать вышла из магазина и побрела к парковке, кто-то окликнул ее по имени, и она обернулась.

Салли – незамужняя, хорошенькая, молодая, счастливая, светловолосая Салли – махала ей рукой и неслась к ней чуть ли не вприпрыжку.

Ну как оно все?! – спросила Салли, обнимая мать и ероша мальчику волосы. Целую вечность тебя не видела. Нравится общаться с этим парнем? Мне кажется, это так весело.

Салли работала в той же галерее, директором которой была мать, прежде чем ушла в декрет. Это был правильный выбор. Да, правильный. Работать, пока ее малыш заливался плачем на линолеуме в общественных яслях, было невыносимо, но сидеть с ним дома тоже было невыносимо, только иначе.

Ей хотелось сказать этой девчонке: все очень сложно. Я стала человеком, которым никогда не хотела становиться, и не знаю, как с этим жить. Я хотела бы радоваться, но чувствую, что сижу в тюрьме, в которую сама себя заточила и целыми днями мучаюсь, а по ночам объедаюсь печеньем, чтобы не плакать. Я вообще не понимаю, как попала в эту ловушку, и мне кажется, меня завели сюда социальные нормы, гендерные стереотипы и раздражающая прямолинейность биологии. Я постоянно злюсь. Я хотела бы описать свои чувства, но мой мозг уже не работает так, как до родов, и я очень отупела. Я боюсь, что больше никогда вновь не стану умной, счастливой, стройной. Я боюсь, что превращаюсь в собаку.

Но она с улыбкой ответила: я счастлива. Мне нравится быть мамой.

Я пытаюсь начать новый проект, сказала она тем вечером – вечером пятницы! – стоя в дверном проеме ванной и глядя, как муж льет на голову мальчику теплую воду. Что-то связанное с разрушением. Чтобы можно было использовать, например, бейсбольную биту. Или топор.

Как насчет рисования булавой? предложил муж.

Ну... да, неуверенно ответила она. Муж рассмеялся и взлохматил мальчику волосы.

Что-то связанное с разрушением, материнством и яростью, продолжала она. Но, сам понимаешь, творческое.

Материнство, повторил он.

Ну да, сказала она, матери ведь очень злые.

Злые? удивился он. Никогда не замечал. Если бы меня спросили, каким будет твой новый проект, сказал он, я бы предположил, что ты хочешь стать мясником. У нас полный холодильник мяса.

Не полный, ответила она. И это другое.

Ты по-прежнему думаешь, что становишься собакой? удивился он, подняв брови, как бы говоря: я, конечно, шучу, но ты все-таки идиотка.

Заткнись, сказала она. Все со мной нормально. На этой неделе мы даже ходили к Книжным Малышам. Вернее, мы видели Книжных Малышей, когда были в библиотеке.

И как они вам?

Чудовищно, ответила она, и оба рассмеялись.

Она была рада, что он купает мальчика, хотя во время купания он попросил ее положить на батарею полотенце мальчика, пожарить тост для мальчика, принести из комнаты пижаму мальчика, пока он сидел на закрытом унитазе возле ванны и что-то читал в телефоне. Конечно, она все сделала, хотя всю неделю одна этим занималась и помочь ей было некому, но разве не гадко с ее стороны было жаловаться? Вообще ей хотелось просто посидеть на диване, глядя в окно, хоть немного – хоть десять минут! – но муж любил видеть ее жизнерадостной и болтливой. Он только что провел несколько часов в машине, в дороге от Миннеаполиса до Чи-

каго, и тоже устал, потому что всю неделю в гостинице ложился поздно, читал или сидел в Интернете, а может быть, просто не мог заснуть по каким-то своим причинам: в номере было слишком тихо, или он заказал еду слишком поздно и потом мучился несварением. Трудно все время мотаться по гостиницам, заявлял он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.